

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Наталья Михайловна Перетяцько

*Заведующий кафедрой уголовного права и процесса
Поволжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста
России), кандидат юридических наук, доцент
E-mail: naperetyatko@yandex.ru*

Законодательная регламентация меры пресечения в виде запрета определенных действий в уголовном процессе: культура правотворчества

Аннотация: актуальность статьи заключается в необходимости дальнейшего совершенствования правовой культуры законодательного процесса, достижения соответствия законодательной регламентации мер процессуального принуждения общему назначению уголовного судопроизводства, принципам демократического общества. Цель статьи – исследование законодательной регламентации новой меры пресечения в отечественном уголовном судопроизводстве в виде запрета определенных действий. В качестве основных методов исследования применялись как общие, так и общенаучные (синтез, анализ, системный метод), а также частнонаучные (формально-юридический сравнительно-правовой, социологический) методы. Проанализировав нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ, касающиеся регулирования применения мер пресечения, Токийские правила, автор выявил противоречия, пробелы в законодательном регулировании меры пресечения в виде запрета определенных действий. Устранение выявленных недостатков будет способствовать повышению уровня правовой культуры правоприменителей, обеспечению реализации назначения уголовного судопроизводства посредством защиты прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступления, а равно защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Ключевые слова: уголовный процесс, меры пресечения, запрет определенных действий, применение меры пресечения, срок назначения запрета определенных действий, изменение меры пресечения, культура правотворчества.

Natalia Mikhailovna Peretyat'ko

Chair of the Criminal Law and Procedure Department, Volga-region Institute (the branch) of All-Russian State University of Justice (RLA (Russian Law Academy) of the Ministry of Justice of Russia), Candidate of Juridical Science, Associate Professor

Legislative Regulation of Restraint in the Form of Prohibition of Peculiar Activities in Criminal Proceeding: Lawmaking Culture

Annotation: relevance of the article consists of necessity to provide further improvement of legal culture of lawmaking process and to achieve matching between

legislation regulatory measures of procedural forcing and the whole purpose of criminal procedure and principles of democratic society. Purpose of the research is to learn legislative regulation of new restraint measure in the form of prohibition of peculiar actions. The author uses the following general methods of research: common, general scientific (synthesis, analysis, systematic method), partial scientific (legalistic, rather-legal, sociological) methods. During the analysis of criminal procedural standards of RF Code deal with restraint measures regulation the author finds our contradictions and gaps in regulation of restraint in the form of prohibition of peculiar activities. Removal of these disadvantages leads to raise of legal culture level among lawmakers, to realization of criminal procedure aims by means of defense of rights and legal interests of individuals suffered from crimes, and to defense of a human from unlawful and unjustified blame, conviction, and restriction of rights and freedoms.

Keywords: *criminal procedure, restrain measures, prohibition of peculiar activities, use of restraint measure, duration of prohibition of peculiar activities, change of measure of restraint, lawmaking culture.*

Федеральным законом от 18.04.2018 № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» Уголовно-процессуальный кодекс РФ был дополнен новой статьей 105.1 «Запрет определенных действий», а в перечень мер пресечения была включена новая мера — запрет определенных действий (п. 4.1 ст. 98 УПК РФ).

В целом, введение новой меры пресечения имеет положительное значение, поскольку, несмотря на законодательное «разнообразие» мер процессуального принуждения, в практической деятельности следователи применяли, как правило, две из них — подписку о невыезде и надлежащем поведении и заключение под стражу. Попытки законодателя инициировать более широкое применение домашнего ареста в целях отвлечения внимания правоприменителя от заключения под стражу привели к тому, что домашний арест стал применяться, в том числе, и по делам небольшой тяжести. Вместе с тем, как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, до вступления в законную силу обвинительного приговора подозреваемые и обвиняемые, считающиеся невиновными в совершении преступления, не должны подвергаться ограничениям, которые в своей совокупности сопоставимы по степени тяжести с уголовным наказанием, а тем более превышают его¹. Избрание лицу меры пресечения в виде домашнего ареста допустимо лишь при условии обеспечения в конкретном деле соразмерности данной меры целям ее применения, а значит, по общему правилу, должно соотноситься с возможностью назначения лицу уголовного наказания в виде лишения свободы. Конституционный

¹ См.: По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Недвижимость-М», общества с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л. И. Костаревой : постановление Конституционного Суда РФ от 31.01.2011 № 1-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 6, ст. 897; По делу о проверке конституционности статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А. Т. Федина : постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2011 № 27-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 51, ст. 7552.

Суд РФ рекомендовал федеральному законодателю принять меры для дальнейшей дифференциации системы мер пресечения, применяемых при производстве по уголовному делу¹, что и было сделано.

Законодатель применил новый подход не только к сущности и содержанию новой меры пресечения, но и к некоторым принципиальным правилам применения мер процессуального принуждения. Так, например, в ст. 97 УПК РФ, посвященной основаниям для применения мер процессуального принуждения, весьма четко прописано, что применить можно только одну из мер пресечения, предусмотренных уголовно-процессуальным законом. Однако Федеральным законом № 72-ФЗ в текст данной статьи были внесены новые правила, в которых изложены исключения для случаев применения залога и домашнего ареста (ч. 1.1 ст. 97 УПК РФ). Следует иметь в виду, что в анализируемой статье речь идет не об одновременном применении двух мер пресечения в виде залога и запрета определенных действий, а о применении меры пресечения в виде залога и дополнительной обязанности соблюдать один или несколько запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ. Применительно к домашнему аресту комбинация из дополнительных обязанностей сведена к трем из шести запретов: общаться с определенными лицами; отправлять и получать почтово-телеграфные отправления; использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть Интернет. Причем из статьи, посвященной домашнему аресту, присущий ему ранее перечень ограничений и запретов был исключен.

Законодатель заложил двойственную природу и универсальный характер в запрет определенных действий, в одних случаях рассматривая его как самостоятельную меру пресечения, в других — как перечень, набор запретов, комбинациями из которых можно усилить принудительный характер залога и домашнего ареста.

Согласно части 1 ст. 105.1 УПК РФ «запрет определенных действий... заключается в возложении на подозреваемого или обвиняемого обязанностей своевременно являться по вызовам дознавателя, следователя или в суд, соблюдать один или несколько запретов, предусмотренных частью шестой настоящей статьи, а также в осуществлении контроля за соблюдением возложенных на него запретов». Таким образом, запрет определенных действий в качестве меры пресечения представляет собой совокупность обязанностей (своевременно являться по вызовам, а также соблюдать один или несколько запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ) и контроль за их исполнением. Как самостоятельная мера пресечения запрет определенных действий избирается по судебному решению и требует от следователя, дознавателя обоснования невозможности применения иной, более мягкой меры пресечения.

Однако, если сравнивать принудительный потенциал запрета определенных действий в виде самостоятельной меры пресечения и совокупность запретов в виде дополнительных ограничений, которые можно применить к заложу, мы неизбежно приходим к выводу об их равнозначности. Так, например, назначая для применения весь комплекс возможных запретов дополнительно к заложу, мы, в отличие от ситуации, когда применяется запрет как полноценная мера пресечения, «за скобками» оставляем лишь обязанность являться по вызовам, которая и так

¹ См.: По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Костромина : постановление Конституционного Суда РФ от 22.03.2018 № 12-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 14, ст. 2027.

предусмотрена статьей, посвященной залого (ст. 106 УПК РФ). Таким образом, фактически речь идет о применении двух мер пресечения в виде залога и запрета определенных действий, на что обоснованно указывают исследователи¹. Соответственно, нормы ч. 1 ст. 97 УПК РФ, требующей избрания только одной из мер пресечения, и нормы ч. 1.1 ст. 97 УПК РФ, предусматривающей право комбинировать меры пресечения, находятся в противоречии между собой.

Исследуя запрет определенных действий как самостоятельную меру пресечения, следует обратить внимание на тот факт, что в перечне обязанностей, составляющих ее сущностное ядро, отсутствует обязанность не препятствовать производству предварительного расследования. Меры пресечения в виде подписке о невыезде и надлежащем поведении, личное поручительство, залог содержат соответствующую обязанность. Очевидно, что в законодательном регулировании должна присутствовать система и логика, и если в большинстве мер пресечения такой запрет присутствует, а в одной — нет, то следовательно, такая задача не ставится перед обвиняемым? Более логично предположить, что такая ситуация является законодательным пробелом и законодатель просто упустил ее из виду.

Заметим также, что в соответствии с Минимальными стандартными правилами Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила)², возложение на обвиняемого каких-либо обязательств вне связи с его тюремным заключением требует обязательного его согласия: «не связанные с тюремным заключением меры, которые накладывают какое-либо обязательство на правонарушителя и которые применяются до формального разбирательства или суда или вместо них, требуют согласия правонарушителя» (п. 3.4). Получение такого согласия предусмотрено при применении личного поручительства, наблюдения командования воинской части, презюмируется при применении залога (т. к. инициатором может выступать сам обвиняемый либо лицо, желающее внести за него залог), однако отсутствует при применении подписки о невыезде³ и запрете определенных действий.

Перечень запретов, указанных в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, сконструирован как исчерпывающий. Однако в ч. 3 и 4 этой же статьи упоминается о «дополнительных запретах», что позволило некоторым исследователям поставить вопрос о необходимости устранить это упоминание, поскольку не ясна сущность, содержание этих запретов, либо предусмотреть открытый перечень запретов в ч. 6 указанной статьи⁴. Полагаем, что речь в данном случае не идет о каких-либо дополнительных запретах, не предусмотренных соответствующей частью ст. 105.1 УПК РФ. Дополнительными данные запреты будут лишь относительно первоначально избранных, не обеспечивших по каким-либо причинам в полной мере необходимого поведения обвиняемого, отвечающего интересам следствия. В ч. 3 и 4 анализируемой нормы описан порядок избрания как для первоначально установленных запретов, так и для вновь накладываемых. Так, если судом уже

¹ См.: Николаева М. И. Новая мера пресечения «запрет определенных действий» в уголовном процессе России // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 2. С. 118.

² См.: Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением [Токийские правила] : приняты резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи ООН от 14.12.1990. URL: <http://www.un.org/ru/> (дата обращения: 16.07.2018).

³ См.: Вершинина С. И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования : дис. ... д-ра юрид. наук. Тольятти, 2017. С. 307.

⁴ См.: Николаева М. И. Указ. соч. С. 119.

был наложен на обвиняемого запрет общения с определенными лицами, данный факт не препятствует в дальнейшем возможности ходатайствовать о возложении дополнительно к избранному запрету еще и, например, запрета находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них. Для наложения новых запретов применяется аналогичный порядок — необходимо постановление о возбуждении ходатайства, вынесенное следователем с согласия руководителя следственного органа, в котором указываются один или несколько запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, мотивы и основания их установления в отношении подозреваемого или обвиняемого и указание на невозможность избрания иной меры пресечения.

Подозреваемый (обвиняемый) наделяется правом использования телефонной связи для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб в случае возникновения чрезвычайной ситуации, а также для общения с контролирующим органом, дознавателем, следователем. О каждом таком звонке подозреваемый или обвиняемый информирует контролирующий орган (ч. 8 ст. 105.1 УПК РФ). Полагаем, этот перечень является неполным. Необходимо предусмотреть право на общение с защитником, законным представителем, а в случае необходимости и с нотариусом в целях его вызова для удостоверения доверенности на право представления интересов подозреваемого или обвиняемого в сфере предпринимательской деятельности.

Следует обратить внимание и на конструкцию ч. 2 ст. 105.1 УПК РФ, которая имеет отсылочный характер, что крайне неудобно для правоприменителя, на что справедливо обращается внимание в научной литературе¹. Законодателем предлагается использовать порядок применения данной меры пресечения, аналогичный порядку, установленному в ст. 108 УПК РФ (заключение под стражу). Однако описанный в ст. 108 УПК РФ порядок предлагается взять за основу, исключив из него требования, связанные с видом и размером наказания, квалификацией преступления, возрастом подозреваемого или обвиняемого, и прибавив особенности, присущие запрету определенных действий. Полагаем, что в итоге уяснить порядок применения данной меры пресечения будет затруднительно даже профессионалу, ежедневно сталкивающемуся с толкованием закона. Любые нормы, касающиеся ограничений, запретов, правового статуса участника уголовного судопроизводства должны быть прописаны четко, ясно, не допуская двусмысленного толкования. Напомним, что первоначальная редакция ст. 107 УПК РФ, посвященная домашнему аресту, также увязывала порядок избрания домашнего ареста и заключения под стражу. Согласно ч. 2 по данной статье домашний арест в качестве меры пресечения избирался в отношении подозреваемого или обвиняемого по решению суда при наличии оснований и в порядке, которые установлены ст. 108 УПК РФ, но с учетом его возраста, состояния здоровья, семейного положения и других обстоятельств. Статья 107 УПК Российской Федерации в ныне действующей редакции, введенной Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ², такую связь утратила, показав нецелесообразность отсылочных норм в уголовном процессе, где даже знаки препинания могут оказывать влияние на судьбу конкретного подозреваемого, обвиняемого.

¹ См.: Николаева М. И. Указ. соч. С. 120.

² См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон РФ от 07.12.2011 № 420-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 50, ст. 7362.

Срок применения анализируемой меры пресечения установлен в ч. 9 и 10 ст. 105.1 УПК РФ. По общему правилу, данная мера пресечения действует до ее отмены. Специальные правила исчисления сроков установлены в зависимости от вида запрета, налагаемого судом. Так, если возложена обязанность не выходить за пределы жилого помещения, в котором обвиняемый проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, то она применяется либо до отмены меры пресечения, либо до истечения сроков, установленных в ч. 10 ст. 105.1 УПК РФ, которые варьируются в зависимости от категории преступления, вменяемой обвиняемому. Все остальные запреты продолжают действовать до отмены или изменения меры пресечения. Буквальное толкование данных норм приводит к выводу о невозможности изменения запрета в виде обязанности не выходить за пределы жилого помещения, поскольку в первом абзаце ч. 9 ст. 105.1 УПК РФ, в отличие от второго, ничего не сказано про возможность ее изменения. Данные законодательные положения вступают в противоречие с ч. 1 ст. 110 УПК РФ, согласно которой мера пресечения отменяется, когда в ней отпадает необходимость, или изменяется на более строгую или более мягкую, когда изменяются основания для избрания меры пресечения, предусмотренные ст. 97 и 99 Кодекса. Вызывает вопросы и законодательная регламентация ч. 7 ст. 105.1 УПК РФ, посвященная содержанию постановления суда об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий. Суд в постановлении указывает срок применения данной меры пресечения лишь применительно к случаям, когда избирается один запрет — не выходить за пределы жилого помещения, в котором проживает обвиняемый. Как представляется, срок применения меры пресечения должен указываться всегда, независимо от ее вида, поскольку ограничение прав и свобод подозреваемого, обвиняемого должно позволять контролировать установленные ограничения.

Таким образом, следует констатировать необходимость дальнейшего совершенствования законодательных норм, посвященных новой мере пресечения в уголовном процессе в виде запрета определенных действий, в части устранения выявленных противоречий и пробелов. Полагаем, четкое и непротиворечивое изложение норм законодательства будет способствовать дальнейшему росту правовой культуры правоприменителей, обеспечивать реализацию назначения уголовного судопроизводства посредством защиты прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступления, а равно защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Пристатейный библиографический список

1. Вершинина, С. И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования : дис. ... д-ра юрид. наук / С. И. Вершинина. — Тольятти, 2017. — 452 с.
2. Гришин, А. И. Основы теории доказательств в уголовном судопроизводстве России : учеб. пособие / А. И. Гришин, Н. М. Перетяцько / под общ. ред. П. П. Сергуна. — М. : РПА Минюста России, 2014. — 128 с.
3. Николаева, М. И. Новая мера пресечения «запрет определенных действий» в уголовном процессе России // Вестник Владимирского юридического института. — 2018. — № 2. — С. 117–123.
4. Перетяцько, Н. М. К вопросу о культуре законотворчества в сфере регулирования оснований для избрания мер пресечения в уголовном судопроизводстве // Правовая культура. — 2017. — № 3. — С. 63–70.
5. Уголовный процесс : учебник. — 3-е изд. / под ред. А. И. Бастрыкина, А. А. Усачева. — М. : Юрайт, 2017. — 415 с.

6. Участники современного российского уголовного судопроизводства / под ред. Р. В. Мазюк. — М. : Юрлитинформ, 2017. — 440 с.

References

1. Grishin, A. I. Osnovy teorii dokazatel'stv v ugovolnom sudoproizvodstve Rossii : ucheb. posobie [Theoretical grounds of evidences in criminal proceeding : manual] / A. I. Grishin, N. M. Peretyat'ko / pod obshch. red. P. P. Serguna. — М. : RPA Minyusta Rossii, 2014. — 128 p.

2. Nikolaeva, M. I. Novaya mera presecheniya «zapret opredelennyh deystvij» v ugovolnom processe Rossii // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. [Novel restrain measure “prohibition of peculiar activities” in criminal proceeding // Herald of Vladimir Institute of law]. — 2018. — № 2. — P. 117–123.

3. Peretyat'ko, N. M. K voprosu o kul'ture zakonotvorchestva v sfere regulirovaniya osnovanij dlya izbraniya mer presecheniya v ugovolnom sudoproizvodstve // Pravovaya kul'tura. [Concerning lawmaking culture in the sphere of regulation of reasons for choose restrain measures in criminal procedure // Legal Culture]. — 2017. — № 3. — P. 63–70.

4. Uchastniki sovremennogo rossijskogo ugovolnogo sudoproizvodstva [Participants of modern criminal procedure in Russia] / pod red. R. V. Mazyuk. — М. : YUrlitinform, 2017. — 440 p.

5. Ugolovnyj process : uchebnik [Criminal Procedure : manual] / pod red. A. I. Bastykina, A. A. Usacheva. — 3-e izd. — М. : YUrajt, 2017. — 415 p.

6. Verшинina, S. I. Gosudarstvennoe prinuzhdenie v ugovolnom sudoproizvodstve: normativno-pravovaya priroda i mekhanizm funkcionirovaniya : dis. ... d-ra yurid. Nauk [State enforcement in criminal procedure: statutory and regulatory nature of fixing mechanism : doctoral thesis in jurisprudence] / S. I. Verшинina. — Tol'yatti, 2017. — 452 p.